

Глава 40. Деревня Цзюаньлоу 05

Все четверо присутствующих пришли к одной и той же догадке — даже у Ци Бая хватило сообразительности, чтобы первым делом подумать именно об этом.

Поэтому в комнате сразу воцарилась тишина.

Лу Хуэй молчал, не из-за страха — он размышлял: не связан ли тот слабый красноватый силуэт, что он видел ранее, с этим случаем?

Но почему? Какая вообще может быть связь?

Он погрузился в раздумья, а Мин Чжаолинь тем временем неторопливо произнёс:

— Всё равно, правда это или нет — уже без разницы.

Он усмехнулся:

— Мы и так уже наговорили столько... Что ещё может быть хуже?

...Действительно.

«Воровство у источника — не путь к богатству*».

* 道元非利 (dào yuán fā bù liǎo cái) — китайская поговорка, означающая, что нельзя получить выгоду, если уничтожаешь или подрываешь исток, источник чего-либо. Здесь, вероятно, используется в переносном смысле: даже если следить за кем-то, это не принесёт пользы.

Яо Хаохао выдохнула, потеряв предплечья.

Ей всё ещё было не по себе. Поэтому, хоть она и согласилась со словами Мин Чжаолиня, больше ничего не добавила.

Лу Хуэй так и не смог найти логического объяснения и решил пока что отложить эту загадку в сторону. Он снова опустил взгляд на рисунки, и пролистал дальше — там был ещё один эскиз: лишь лицо, без черт.

Судя по контуру и причёске, скорее всего, женское.

Лу Хуэй невольно вспомнил выражение «бу сянь ян» — оно ведь именно к юным девушкам и относится.

Неужели это она?..

Он повернулся к Ци Баю, который сидел, боясь и пискнуть:

— Расскажи ещё раз подробнее: какая у тебя роль?

Ци Бай удивлённо ахнул:

— У меня память не такая хорошая, как у неё...

Под «ней» он имел в виду Яо Хаохао. Ци Бай слегка расстроился, ведь он не запомнил всё дословно.

— Ничего страшного. — сказал Лу Хуэй. — Говори, что помнишь. Главное — ничего не придумывай от себя.

Ци Бай сосредоточился и начал вспоминать:

— Я помню только... что я — студент художественного вуза. А ещё у меня был друг, который любит горы, то есть это ты, брат. Мы договорились вместе приехать в горы Цзюаньлоу: ты — чтобы покорять вершины, я — чтобы рисовать. А потом вдруг в горах опустился густой туман, и вот... мы каким-то образом оказались прямо у ворот этой деревни. Я предложил тебе заночевать здесь, и ты согласился.

Первая часть его рассказа почти совпадала с тем, что слышал Лу Хуэй, но вторая — отличалась:

— Система так тебе и сообщила, что именно ты предложил заночевать здесь?

Ци Бай задумался, а потом кивнул:

— Да. Потому что тогда я даже подумал про себя: «Неужели у моего персонажа такой сильный характер?»

Лу Хуэй снова посмотрел на рисунок, и в его голосе прозвучала неопределённость:

— Получается, возможно, у тебя тоже есть какая-то связь с этой деревней.

Если бы Ци Бай не захотел остаться здесь, его история должна была бы звучать так же, как у Лу Хуэя: «Вы не знаете, как оказались у ворот деревни. Туман за пределами ещё не рассеялся. Похоже, сегодня вам придётся переночевать здесь...» — а не содержать конкретное предложение Ци Бая остаться на ночь.

Это и была зацепка.

Лу Хуэй повернул голову и взглянул на Мин Чжаолиня, как раз в тот момент, когда тот смотрел на него, и их взгляды встретились.

Он задумался: а не связана ли роль Мин Чжаолиня тоже с этим местом? Он был уверен, что Мин Чжаолинь прекрасно понимает, о чём он думает, но тот лишь моргнул и сделал вид, будто ничего не понимает.

...Да уж, умеет же этот парень притворяться!

Лу Хуэй не стал с ним спорить.

То, что Мин Чжаолинь решил пока не убивать его, ещё не делает их братьями. Награда за первое место, скорее всего, одна. Они всё ещё были соперниками.

Ведь именно о Мин Чжаолине Лу Хуэй писал, что тот ради гарантии занять первое место, просто перебил всех остальных игроков.

Ах да...

Да, он был жесток.

Яо Хаохао тихо спросила:

— Получается, мы все как-то связаны с этой деревней?

— Не факт. — ответил Лу Хуэй. — В описании моего персонажа вообще нет никаких намёков.

И в рюкзаке тоже ничего нет.

Он усмехнулся:

— Сейчас я выгляжу как «солнечный и жизнерадостный парень».□

Ци Бай и Яо Хаохао мгновенно поняли шутку. Ци Бай даже хихикнул, а мрачное настроение Яо Хаохао немного развеялось.

Только Мин Чжаолинь, совершенно не в курсе о чём речь, в очередной раз выдал знак вопроса.

Но на сей раз Лу Хуэй не стал объяснять. Он лишь весело глянул на него, и в его глазах мелькнула злорадная насмешка.

Интересно?

А у него ещё вагон таких историй припасено.

Он может этим довести Мин Чжаолиня до белого каления.

Будет знать, как угрожать и строить из себя союзника!

Закошмарю его!

Мин Чжаолинь почувствовал эту провокацию и фыркнул, протянув руку прямо к Лу Хуэю.

Он действовал очень быстро — настолько быстро, что Ци Бай и Яо Хаохао даже не успели среагировать.

Но Лу Хуэй мгновенно поднял руку и перехватил его ладонь.

Правда, сила у Мин Чжаолиня была такая, что Лу Хуэю пришлось использовать обе руки, чтобы удержать его:

— Ладно-ладно, скажу! Зачем так грубо?

Он с недоумением посмотрел на Мин Чжаолиня:

— Это просто мем. В реальном мире раньше был очень популярный трек про «настолку про убийство» — там герою досталась бессмысленная роль, у всех были персонажи с интригующей историей, а у него — просто «солнечный и жизнерадостный парень».

Мин Чжаолинь наконец понял. Он слегка пошевелил запястьем:

— Отпусти.

Лу Хуэй разжал пальцы, незаметно потёр подушечки — и мысленно отметил: мышцы предплечья у Мин Чжаолия на ощупь просто отличные.

Яо Хаохао бросила на них взгляд и подумала: эти двое, как малолетние школьники.

Но... в таком месте, где каждое мгновение напряжено до предела, их внезапные перепалки каким-то чудом позволяли ей немного расслабиться.

Больше в альбоме Ци Бая ничего не было, но Лу Хуэй не спешил возвращать его. Он взял ручку и блокнот и начал рисовать:

— Я набросаю примерную карту деревни. Запомните её как можно лучше.

Вероятность погони в инстансе с призраками довольно высока. А учитывая сложный рельеф этого инстанса, в случае погони они окажутся в положении, будто играют в прятки с тем, кто сам построил лабиринт, — совсем невыгодная ситуация.

Лу Хуэй всё же надеялся, что все они выживут.

Ци Бай заглянул через плечо, его персонаж так-то художник, да и сам он в реальности учился на художника:

— Брат, ты ещё и умеешь рисовать?

— Ага. — рассеянно отозвался Лу Хуэй. — Чуть-чуть учился.

Ци Бай почти машинально спросил:

— Эээ... Разве ты не говорил, что никогда не ходил в школу? А рисуешь отлично!

Сразу видно — есть база.

Мин Чжаолиянь слегка приподнял бровь, а Яо Хаохао удивлённо посмотрела на Лу Хуэя:

— Разве ты не сказал, что подрабатываешь писателем, а по основной профессии — полицейский-помощник?

Как можно писать романы, если ты не умеешь читать и писать?

Когда она произнесла это, Ци Бай понял, что ляпнул лишнего.

Он в ужасе уставился на Лу Хуэй, желая отхлопать себя по щекам.

А-а-а-а!

Зачем он вообще открыл рот?! Неужели он подставил «Цзюнь Чаоманя»?!

Однако Лу Хуэй сохранил полное спокойствие, будто Ци Бай вообще ничего не сказал. Ни тени эмоций, ни малейшего волнения:

— Именно потому, что я не получил образования, я и работаю полицейским-помощником. Меня устроил на работу хороший друг — он замолвил за меня словечко перед начальством. Меня взяли на испытательный срок, и, хотя у меня нет диплома, они увидели, что ума хватает. Так я и заработал себе на хлеб. И да, я никогда не учился в школе, но всё равно самостоятельно освоил необходимое.

Он улыбнулся Яо Хаохао:

— Или теперь уже нельзя самообразовываться?

Конечно, можно. Просто, когда Лу Хуэй говорит что в этом духе, доверие к его словам почему-то сразу падает вдвое.

Яо Хаохао не могла понять почему, но ей казалось, что «Цзюнь Чаоманю» нельзя верить.

Хотя он всегда вызывал у неё какое-то странное, тёплое чувство близости.

— Это ощущение привязанности к «Цзюнь Чаоманю» было слабым, но Яо Хаохао от природы чувствительна. В инстансе «Правила Санатория» она заметила, что при любой опасности всегда невольно тянется к нему — сначала она думала, что это просто потому, что он силён, и она инстинктивно полагается на сильного игрока.

Но потом, во втором инстансе вместе с И Анънань, они встретили ещё одного известного игрока — Вэнь Юаньшуй, занимавшего второе место в рейтинге.

Вэнь Юаньшуй не был святым, но по сравнению с Мин Чжаолинем был куда добрее. И Анънань помогала ему, и он охотно взял их под крыло, обучал и поддерживал. Однако с Вэнь Юаньшуйем у Яо Хаохао никогда не возникало того странного, почти мистического чувства доверия и близости.

К тому же чувства к «Цзюнь Чаоманю» были куда сложнее и противоречивее.

Впервые в жизни она испытывала странную симпатию к кому-то — и в то же время абсолютно не верила ни одному его слову.

Это было очень странно.

Логика Лу Хуэя была безупречна. Ци Бай промолчал, Яо Хаохао тоже не стала задавать вопросов.

С таким человеком Яо Хаохао всегда старалась держать своё любопытство под контролем.

А Мин Чжаолинь... Лу Хуэю было совершенно всё равно, верит он или нет.

Он и так знал: Мин Чжаолинь всё равно ему не поверит, чтобы он не говорил.

Поскольку других зацепок не было, Лу Хуэй быстро нарисовал карту деревни и передал её Ци Баю и Яо Хаохао:

— Лень рисовать две копии. Разберитесь сами.

Он указал:

— Звёздочками отмечены дома, где есть собаки. Но это не точно — в деревне собак часто держат без привязи.

Хотя во многих историях про призраков говорят, что собаки видят духов, в подобных инстансах непонятно, на чьей они стороне — на стороне призраков или игроков.

И если собака залает при виде незнакомцев и выдаст их, это тоже частый приём в ужастиках.

Ци Бай и Яо Хаохао поняли его предупреждение. У Лу Хуэя больше не было что сказать, и они ушли, взяв с собой его карту.

Что до Мин Чжаолиня — он тоже неторопливо поднялся, чтобы последовать за ними.

Но перед тем, как выйти, он бросил на Лу Хуэя задумчивый взгляд и сказал:

— А-Мань, ты ведь утверждал, что ты игрок из ядра. Но откуда у тебя такие познания о реальном мире?

Лу Хуэй не стал врать, что это просто старый интернет-мем. Он лишь приподнял брови и с наигранной удивлённостью спросил:

— А ты разве мне веришь?

После разговора с Чжу Люй Лу Хуэй понял, что изображать опытного игрока, особенно из ядра — плохая идея.

Поэтому он решил изменить подход к Мин Чжаолиню.

Особенно после инстанса «Правила Санатория», когда он почувствовал, что Мин Чжаолинь не верит, будто он старожил. Там он и заложил ложный след.

Тогда он сказал, что идёт в туалет, но на самом деле немного поблуднев, беззвучно вырвал в кабинке. При этом он сознательно не смыл воду, чтобы создать иллюзию, будто действительно просто сходил по нужде, и лишь умылся, даже намеренно плеснув себе в лицо воды.

Раз уж притворяться старожилом не выходит, он решил заставить Мин Чжаолиня поверить, что у него крайне слабая психика, будто он не выносит вида мёртвых и тем более не способен смотреть на поедание человечины. Но при этом в других моментах ведёт себя спокойно и рассудительно, чтобы вызвать у Мин Чжаолиня ещё большее любопытство и заставить его гадать, кто же он на самом деле.

Кстати, тут действительно стоило бы поблагодарить Яня — за то, что тот так сильно похож на Мин Чжаолиня.

Иначе ему пришлось бы изрядно поломать голову, над тем, как удержать лицо.

Мин Чжаолинь тихо фыркнул, и больше ничего не сказав, тоже ушёл.

Только уже у двери Лу Хуэй окликнул его:

— Дверь-то закрой, дружище.

Мин Чжаолинь его проигнорировал.

Лу Хуэй тихо застонал, но всё же встал и сам прошёл пару шагов, чтобы закрыть дверь.

Та, неясно почему, закрывалась с трудом. Хотя зазор внизу был даже шире обычного, летом, если бы здесь включили кондиционер, холод бы просто выдувало. В эту щель свободно проходила рука, но дверь всё равно никак не хотела захлопываться, так что пришлось сильно

толкать.

Закрыв дверь, Лу Хуэй достал из рюкзака туалетные принадлежности, быстро умылся и лёг в постель.

Он не осмелился использовать местную воду, поэтому воспользовался запасом из рюкзака, вода оказалась без постороннего привкуса.

Лу Хуэй, как обычно, не стал снимать обувь. Он сидел на кровати, ступни едва касались пола, выключил свет и приготовился ко сну.

.

Ночь была тихой. Деревня Цзюаньлоу ничем не отличалась от других сельских поселений.

После заката почти все дома запирались изнутри. Даже несмотря на то, что дома стояли плотно, один за другим, ворота и двери везде были наглухо закрыты.

К девяти-десяти вечера деревня погрузилась во мрак. Лишь несколько старых, еле горящих фонарей продолжали упорно мигать и шипеть, словно цепляясь за последнюю нить службы.

Посреди ночи Лу Хуэй вдруг почувствовал пронзительный холод.

Он машинально потянулся за одеялом, но, коснувшись чего-то, наткнулся на ледяное... тело.

Он не понял, какую часть тела тронул, но холод был каким-то неестественным, даже жутким.

Лу Хуэй мгновенно проснулся, но ничем себя не выдал, словно просто в полусне положил руку куда-то не туда.

И именно в этот момент раздался лёгкий, хриплый женский голос — приглушённый, эхом отдающийся в темноте, будто змея шептала ему прямо на ухо:

— Ты поел?

Что?

Лу Хуэй насильно подавил порыв отреагировать. Затаив дыхание, он просто молча лежал.

— Ты поел?

Женщина продолжала, томно и тягуче:

— Тот горшок тушеной «бу сянь ян»... вкусно было?

Лу Хуэй молчал.

Если призрак не нападает сразу, а начинает задавать вопросы — значит, она не может... по крайней мере, пока не может напрямую причинить им вред.

А вдруг стоит только ответить — и она получит право атаковать?

Поэтому Лу Хуэй решил молчать.

И этот призрак не ограничился им. Она нашла и других.

В комнате Ци Бая.

Поскольку их было пятеро в одной комнате, и Ци Бай явно дружил с Лу Хуэем, более опытные игроки — в частности, Ло Е— уступили Ци Баю место на кровати. Остальные трое спали на полу, укрывшись хозяйскими одеялами.

Один из игроков, лежавших на полу, почувствовал холод и повернулся на другой бок.

В полусне он подумал: Надо прижаться поближе к товарищам — одеяла-то нет, только так и можно согреться.

Но в тот самый момент, когда он потянулся к соседу, его тело соприкоснулось с чем-то мягким и ледяным.

Он мгновенно распахнул глаза и уставился в пару бледно-голубых глаз с горизонтальными зрачками.

Парень обомлел от ужаса и инстинктивно рванул назад, вжавшись спиной в стену. Только тогда он полностью осознал, что лежало рядом с ним.

Это была женщина... но не совсем человек. Её лицо напоминало овечью морду, так, что несведущий мог бы подумать, что это овца, превратившаяся в человека.

У неё не было рогов, руки выглядели вполне человеческими... но...

Парень застыл в ужасе.

У неё не было тела ниже пояса.

Вернее, будто его отрубили чем-то острым. Из раны хлестала кровь, заливая пол комнаты — и, конечно, одеяло, на котором он лежал.

Он поднял руку и увидел, что она вся в крови.

А женщина мягко улыбнулась и тихо спросила:

— Ты поел?

Парень был настолько напуган, что его руки задрожали, голос дрожал, как на ветру:

— Ч-ч-что...

— Тот горшок тушеной «бу сянь ян».

Женщина улыбнулась ещё шире. На секунду её горизонтальные зрачки будто превратились в человеческие, но всё покрылось багровой краснотой, и из глаз текли кровавые слёзы. Хотя, возможно, это ему просто показалось, потому что в следующий миг зрачки снова стали горизонтальными. Но и это не делало их менее пугающими.

Она нежно прошептала:

— Ты поел? Было вкусно?

Парень, несмотря на страх, сохранил остатки разума. Он догадался, что женщина, скорее всего, связана с «бу сянь ян». Поэтому он поспешно замотал головой:

— Я не ел! Я не ел!..

Женщина по-прежнему улыбалась:

— Правда?

Она, опираясь на руки, подползла ближе и еле слышно спросила:

— Тогда скажи... кто ел?

Парень, дрожа, выдавил:

— Т-те двое, с кем я сплю... и ещё Мин Чжаолинь! Тот высокий парень с длинными волосами, что с нами вместе!..

Женщина усмехнулась ещё шире, и её глаза стали ледяными:

— Понятно...

Она подняла руку и погладила парня по голове:

— Ты такой хороший мальчик. Такого послушного ребёнка обязательно нужно наградить.

Парень облегчённо выдохнул. Он вспомнил слухи, что в инстансах иногда NPC дают полезные предметы или подсказки, если выполнить их просьбу. Он даже почувствовал лёгкую радость.

Но в следующую секунду женщина прошипела:

— А вот лгуны... конечно, тоже заслужили награду!

Её голос резко стал пронзительным и злобным. Горизонтальные зрачки будто разрослись, заполнив всё его поле зрения.

Парень ощутил резкую боль в голове. Когда пришёл в себя — женщины уже не было. В комнате всё выглядело как обычно. Только он сам почему-то стоял на коленях, склонившись к полу.

Неужели... это был сон?

Он машинально попытался вытереть холодный пот со лба — но не смог. И тут заметил, что его руки... выглядят странно.

Парень замер, поднял одну руку и уставился на неё.

Это было копыто.

...?

Что за чёрт?

Как так получилось???

Почему у него... копыта???

Он опустил взгляд и увидел, что обе его руки, упирающиеся в пол, превратились в овечьи копыта!

Это... сон?

Должно быть, это сон!..

Он попытался встать — и тут же наступил ногой на товарища рядом.

Тот проснулся от боли, тихо застонал, сквозь сон увидел в темноте какое-то животное — и в ужасе завопил:

— А-а-а! Что это за чёрт?!

Его крик мгновенно разбудил всех в комнате.

Ло Е первым вскочил и включил свет. В комнате стало светло, и все увидели, во что превратился парень.

Это уже был не человек. Это была овца.

Овца без рогов, с нормальными человеческими глазами.

Она стояла посреди комнаты, растерянно глядя на них.

Ло Е нахмурился и осмотрелся по сторонам:

— Лю Ханя нет.

Они не успели больше ничего сказать, потому что дверь с грохотом распахнулась — её вышиб Мин Чжаолинь.

За ним стояла Яо Хаохао. Увидев овцу в комнате, она на мгновение замерла.

Подроспел и Лу Хуэй, но с опозданием на пару шагов, ведь ему нужно было убедиться, что он сам в безопасности.

Через минуту после того, как он проигнорировал женский голос, ощущение холода под его рукой исчезло.

На самом деле, он почувствовал, как в комнате стало потеплее, и больше не ощущал чьего-то присутствия.

Но ведь это существо явно не человек — кто знает, какие у неё ещё были уловки.

Поэтому Лу Хуэй открыл глаза только после того, как услышал крик, а затем и звук выбитой двери.

Он остановился в дверном проёме и уставился на безрогую овцу:

— ...Лю Хань?

Овца почти машинально кивнула.

Остальные в изумлении уставились на неё:

— Что случилось?

Игрок, на которого наступил Лю Хань, уже катился прочь, отползая на четвереньках:

— Почему он превратился в овцу?!

Лу Хуэй слегка сдвинул брови.

Шум они устроили немалый. Надеюсь, Ян Цяньфань не услышал...

Он отстранил Мин Чжаолиня и шагнул вперёд:

— Лю Хань, я буду задавать вопросы, а ты — только кивай или качай головой. Отвечай честно. От этого зависит, сможем ли мы вернуть тебя в прежний облик.

Он знал, что некоторые игроки, чтобы скрыть свои поступки, в таких ситуациях всё равно врут — такова человеческая природа, избегать ответственности.

Но если чётко сказать, что правда может спасти — шансы получить честный ответ резко возрастают.

— Тебя спрашивал женский голос: «Ты ел «бу сянъян»?» — спросил Лу Хуэй.

Все в комнате переглянулись и одновременно уставились на него.

Лю Хань кивнул.

Голос Лу Хуэя стал заметно быстрее обычного:

— Ты ей ответил?

Лю Хань снова кивнул.

Его глаза уже блестели от слёз, и крупные капли катились по щекам.

Лу Хуэй не обратил внимания и продолжил:

— Ты сказал ей, что ел?

Лю Хань помотал головой.

Лу Хуэй уже собирался задать третий вопрос, как вдруг за его спиной раздался голос Ян Цяньфаня:

— Вы тут вообще, чем занимаетесь?

Яо Хаохао так и подскочила от неожиданности, инстинктивно отпрыгнув в сторону.

Мин Чжаолинь, напротив, не удивился. Хотя Ян Цяньфань подкрался бесшумно, будто призрак, Мин Чжаолинь всё равно почувствовал его приближение.

Он бросил на Ян Цяньфаня мимолётный взгляд и уже собирался отстранить его, чтобы Лу Хуэй продолжил допрос.

Но Лу Хуэй вдруг схватил его за руку.

Мин Чжаолинь слегка замер и опустил глаза на Лу Хуэя.

Тот молча покачал головой — мол, пока не надо вмешиваться.

Когда они немного отступили в сторону, Ян Цяньфань увидел в комнате овцу.

Его глаза расширились от изумления. На его обычно бесстрастном лице проступили явные эмоции:

— Вы что, у меня дома тайком овец держите?!

Лу Хуэй чуть приподнял бровь.

Неужели держать овцу — такое уж преступление?

Ян Цяньфань шагнул вперёд. Лу Хуэй и Мин Чжаолинь отошли, и тогда стало видно, что несмотря на хрупкое, болезненное телосложение — будто лёгкий ветерок может унести его прочь — Ян Цяньфань резко схватил Лю Ханя, то есть овцу, за шею и буквально выволок наружу:

— Предупреждаю вас только один раз! У нас в доме нельзя держать овец!

Лу Хуэй приподнял бровь:

— Почему?

Он встал у него на пути:

— Дядя, разве вы не угощали нас на ужин «бу сянь ян»? Если в деревне нельзя держать овец, откуда тогда взялась та овца?

К Лу Хуэю Ян Цяньфань относился чуть мягче — возможно, из-за того полицейского удостоверения:

— Та овца и эта — не одно и то же!

Он понизил голос, явно нервничая:

— В деревне нельзя держать овец! Это оскорбит... Того!

«Того»?

Божество, что ли?

Лу Хуэй слегка растянул губы в усмешке, но в глазах не было ни тени веселья. Неясно, насмешка это или возбуждение от новой зацепки, но во всяком случае, в его взгляде читалась двусмысленность:

— Дядя, вы же сами говорили, что не верите во всю эту ерунду?

Ян Цяньфань на миг замер, но больше не стал ничего объяснять. Вместо этого он решительно потащил овцу к выходу.

Лу Хуэй не хотел вступать с ним в открытую схватку, но Лю Хань...

Он знал, что должен смириться, но не мог просто так отвернуться от чужой жизни.

Он ведь не какой-то там «босс», не завсегда тай инстансов.

Он просто обычный человек.

Лу Хуэй отвёл взгляд и напомнил себе: это же мир романа, не стоит слишком сильно вживаться.

За долю секунды он взял себя в руки и, прежде чем Ян Цяньфань увёл Лю Ханя, успел спросить:

— Скажите, дядя, а что вы собираетесь делать с этой овцой?

Ян Цяньфань увильнул от прямого ответа:

— Это не ваше дело.

Сердце Лу Хуэя тяжело упало. Все, кто прошёл хотя бы несколько инстансов, понимали, что Лю Ханю, скорее всего, не жить.

Особенно после того, как Ян Цяньфань строго предупредил:

— На этот раз я спущу вам это с рук, потому что вы не знали. Теперь вы знаете — и в моём доме, и в нашей деревне, вы не можете держать овец. Если это повторится — сами будете отвечать за последствия!

Остальные молчали. Ведь судя по вопросу Лу Хуэя, никто не мог гарантировать, что среди них завтра не появится ещё одна овца.

Но Ян Цяньфань и не ждал ответа. Он просто увёл Лю Ханя.

Непонятно, чем он его обезвредил — магией или просто силой, — но овца не сопротивлялась ни на йоту. Ни единого рывка, даже попытки вырваться.

Когда Ян Цяньфань ушёл, оставшиеся игроки переглянулись. Лу Хуэй без слов развернулся и вышел.

Ци Бай делил комнату с Лю Ханем и если кому и задавать вопросы, то ему. Остальное было излишне. Лу Хуэй был уверен, что среди них точно есть кто-то с особым статусом.

— Раз у Ци Бая и Яо Хаохао есть зацепки, связанные с деревней, то, скорее всего, есть и у Мин Чжаолиня, хотя Лу Хуэй не знал наверняка. Возможно, только он один не имеет никакой предыстории.

Почему так — он не понимал. И не знал, не делает ли именно это его самого особенным. Пока это оставалось загадкой.

Едва Лу Хуэй вышел, как Мин Чжаолинь тут же последовал за ним.

Они зашли в комнату Лу Хуэя, но Мин Чжаолинь не спросил первым делом про допрос Лю Ханя. Он прислонился к шкафу, скрестил руки на груди, лениво перебирая кончики своих длинных волос, и задумчиво произнёс:

— Ты пришёл довольно поздно, А-Мань.

Ещё в инстансе «Правила санатория» было ясно, что Лу Хуэй чутко спит, будучи всегда настороже.

Мин Чжаолинь ожидал, что «Цзюнь Чаомань» появится одновременно с ним, но тот оказался последним.

Лу Хуэй кивнул, не отрицая:

— Со мной случилось то же, что и с Лю Ханем.

Как раз в этот момент подошли Яо Хаохао и Ци Бай, и Лу Хуэй в двух словах пересказал, что с ним произошло.

Яо Хаохао задумалась:

— Получается, молчать — правильно?

Но Лу Хуэй покачал головой:

— Не факт. Возможно, просто этой ночью нужна была только одна овца. Лю Хань уже превратился — поэтому она меня и не тронула.

Нельзя пока утверждать наверняка, что молчание спасает.

— ...Если каждую ночь обязательно кто-то пострадает, — спросила Яо Хаохао, — не означает ли это, что у инстанса есть жёсткие временные рамки?

Лу Хуэй чуть приподнял бровь:

— Но ты же не ела «бу сянь ян», и...

Он на секунду замолчал и бросил взгляд на дверь:

— Лучше заходите внутрь. На улице всё равно плохо слышно.

Яо Хаохао и Ци Бай одновременно повернулись к двери — и увидели, как Ло Е, смущённо улыбаясь, выглядывает вместе с двумя другими игроками, всё ещё дрожащими от страха.

Хотя Ло Е и выглядел неловко, внутрь он зашёл без малейшего колебания:

— Брат Цзюнь, мы все хотим выжить.

Лу Хуэй кивнул, ему как-то было всё равно:

— Проходите.

Он продолжил анализ:

— Лю Хань ел «бу сянь ян» и, что ещё важнее, соврал той «женщине». Значит, точно опасно — съесть это блюдо и солгать. Но мы не знаем, что будет, если съесть и честно ответить. И не знаем, точно ли спасает молчание.

— Поэтому, — добавил он, — если завтра днём мы не выберемся из инстанса, то следующей ночью придётся играть в рулетку: молчать или говорить правду — решайте сами.

Он предупредил:

— Но учтите, перед её появлением вам станет очень холодно. Она материальна — её можно потрогать. И она будет задавать вопросы, снова и снова. Видимо, в этот момент вы попадаете в некое изолированное «пространство», отделённое от товарищей. Я не знаю, сон это или что-то другое. Сможете ли вы выдержать — зависит только от вас.

Все поняли его намёк.

Раз Лу Хуэй, не ответивший ей, остался цел и не превратился в овцу, другие в подобной ситуации наверняка последуют его примеру.

Поэтому Лу Хуэй добавил:

— И не то чтобы я хвастаюсь, но я действительно отлично притворялся спящим — ни малейшего напряжения, ни пота, ни дрожи.

На этом он закончил. Дальше — решать им.

Чётко обозначив границы, он сказал:

— Дальше делайте что хотите. И не подслушивайте.

Он слегка наклонил голову и улыбнулся — мягко, почти ласково, но от этой улыбки по коже пробежал холодок:

— Думаю, я не настолько сговорчивый, как вам кажется.

Ло Е с двумя игроками ушли. Ци Бай спросил, не закрыть ли дверь.

— Не надо, — ответил Лу Хуэй. — Мне нужно кое-что тебе поручить.

Ци Бай мгновенно подскочил к нему, будто пружина.

Он не пережил того момента, когда Яо Хаохао чуть не лишилась головы от удара Мин Чжаолиня, поэтому, хоть и побаивался его, но не до дрожи в коленках.

Ведь даже когда Лу Хуэй и Мин Чжаолинь дрались у деревенских ворот, Ци Бая лишь физически отстранили от драки — не навредив.

Мин Чжаолинь, глядя на Ци Бая, метнувшегося к Лу Хуэю, вспомнил одного NPC из прошлого инстанса, у которого была очень послушная золотистая собака. Он тихо фыркнул и махнул рукой, ему было сейчас не до него.

Просто устал. Не выспался.

— Если снова кто-то превратится в овцу, — сказал Лу Хуэй, — тебе придётся расспрашивать его. Если я не успею, а сюда первым явится староста — всё пропало.

Ци Бай не был глупцом — он сразу уловил смысл.

Его способность ещё можно использовать семь раз, а значит, хватит как минимум на три ночи.

Он энергично закивал:

— Брат, не волнуйся!

Он похлопал себя по груди:

— Гарантирую выполнение задачи!

Лу Хуэй улыбнулся и слегка потрепал его по макушке:

— И сам тоже будь осторожен.

Свет в комнате был тусклый, тёплый, жёлтый отчего черты лица Лу Хуэя казались особенно мягкими.

Когда он улыбался, его лицо, обычно похожее на фарфоровую куклу — безупречное, но безжизненное, — вдруг оживало. Особенно выделялись две маленькие родинки, ровно расположенные под правым глазом — они придавали его взгляду неожиданную живость и глубину.

Но впечатление было не таким, как от Мин Чжаолиня, чья красота гипнотизировала и пугала одновременно. У Лу Хуэя же возникало странное ощущение почти божественного сияния, от которого хотелось пасть на колени у его ног.

Только голос Яо Хаохао вернул Ци Бая в реальность:

— А как ты планируешь действовать завтра?

Ци Бай мгновенно опомнился и поспешно отвёл взгляд. Его лицо и уши залились краской.

Как он вообще посмел так пялиться на «Цзюнь Чаомянь»?!

Лу Хуэй, будто ничего не заметив, подумал и ответил Яо Хаохао:

— Сначала проверим, не является ли инстанс сражением лагерей. В деревне ведь ещё есть несколько здоровых парней.

Они, возможно, игроки.

Яо Хаохао кивнула:

— Раз уж больше ничего не случилось, я пойду спать.

Скорее всего, этой ночью опасности больше не предвидится.

Лу Хуэй не возражал.

Ци Бай засмутился:

— Т-тогда и я пойду...

— Подожди. — остановил его Лу Хуэй. — Если сможешь — посмотри, что в рюкзаке Лю Ханя. Только старайся не попадаться на глаза Ло Е и остальным. Если не поймёшь, что важно — просто сфотографируй всё на телефон.

Ци Бай кивнул и ушёл.

Лу Хуэй повернулся к Мин Чжаолиню, который явно не собирался уходить:

— Ты чего?

Мин Чжаолинь протяжно произнёс:

— Не хочешь узнать, какие у меня зацепки по персонажу?

Конечно, хочет.

Но Лу Хуэй с недоверием уставился на него:

— А ты скажешь?

Мин Чжаолинь лениво улыбнулся:

— А почему бы и нет?

Неужели Мин Чжаолинь сегодня подменили?

С чего это он вдруг стал таким разговорчивым?

Лу Хуэй не верил.

Поэтому он немного порылся в рюкзаке, вытащил оттуда тяжеленую, будто начинённую свинцом, армейскую флягу и, тыча ей в Мин Чжаолинь, торжественно провозгласил:

— Нечисть прочь!□

Мин Чжаолинь: «?»

Лу Хуэй хихикнул:

— Любопытно, откуда это?

Он поставил флягу на стол и, с явным самодовольством, добавил:

— Ну что, как насчёт обмена?

Мин Чжаолинь, только что сам себя подставивший: «.....»

Он тихо фыркнул, но на этот раз не стал нападать, а спокойно сказал:

— В моём описании роли есть фраза: «Наконец-то добрался до деревни Цзюаньлоу, что снилась мне во сне и звала в сердце. Надеюсь разгадать здесь тайну и обрести истину».

Его тон был рассеянным, будто ему самому всё это было безразлично:

— А в моём рюкзаке лежит фотография деревни Цзюаньлоу.

Лу Хуэй: «!»

Он мгновенно вскочил:

— Дай посмотреть!

Мин Чжаолинь и так был выше Лу Хуэя, но ещё и поднял подбородок, явно требуя, чтобы тот подошёл ближе. Его прищуренные глаза смотрели сверху-вниз, и Лу Хуэю от этого захотелось... ну, не то чтобы ударить, но близко.

Просто лицо у Мин Чжаолиня было слишком красивым — Лу Хуэй ведь создавал его, как говорится, по своему вкусу. Если бы не эта мускулистая, почти звериная фигура, такая внешность подошла бы и женскому образу — получилась бы та самая роскошная, яркая красота с налётом мужественной дерзости.

Лу Хуэй на долю секунды отвлёкся, потом пояснил:

— Это цитата из мультсериала «Приключения Джеки Чана». Там есть персонаж по имени Лао Дэ — мастер цигун, колдун. Он часто держит в руках надутого иглобрюха и произносит: «Нечисть прочь!» — чтобы отогнать духов.

Он приподнял уголки губ, и в его улыбке мелькнула злорадная насмешка:

— Ты вдруг стал таким разговорчивым... Может, в тебя кто-то вселился?

Мин Чжаолинь понял. Он снова тихо усмехнулся:

— В следующий раз можешь просто дёрнуть меня за волосы — проверишь, одержим я или нет.

Лу Хуэй: «.....»

Он поднял руку и показал её Мин Чжаолиню:

— Красивая?

Мин Чжаолинь: «?»

Он бросил на неё беглый, почти неохотный взгляд.

Надо признать — рука у Лу Хуэя и правда была прекрасна. На подушечках пальцев и ладонях виднелись мозоли — не такая нежная, как у избалованного барчонка, но именно поэтому она и привлекала внимание. Длинные пальцы, чётко очерченные суставы... Эта рука могла бы красиво убивать, крепко сжимать что-то в ладони, или эффектно вращать нож-бабочку — взгляд так и цеплялся.

— Ага. — признал Мин Чжаолинь без обиняков.

Лу Хуэй убрал руку:

— Так вот, пусть она остаётся при мне. А твои волосы трогать — лёгкий путь к сломанной руке, а то и оторванной голове.

Мин Чжаолинь опустил глаза, глянул на него с прищуром, и вдруг тихо рассмеялся.

Лу Хуэй не понял, над чем он смеётся, но почувствовал, что смех этот был искренним, не насмешливым и не злым... Что было необычно.

В прошлый раз, когда Лу Хуэй писал о Мин Чжаолине, тот смеялся либо в приступе безумного восторга после убийства, либо с холодной издёвкой. Настоящей, спокойной улыбки... не было вообще.

Ой.

Лу Хуэю стало непривычно — и даже немного неприятно.

Слишком многое в Мин Чжаолине уже вышло из-под его контроля.

Но всё же Мин Чжаолинь достал фотографию и протянул Лу Хуэю:

— Только вот эта одна.

Лу Хуэй:Если бы ты не подчеркнул эту фразу, я бы тебе, может, и поверил.

Мин Чжаолинь приподнял бровь с наигранной удивлённостью:

— Ну что ты?

Лу Хуэй сразу понял, что тот нарочно это сказал.

Неужели он такой ребёнок?

Ему ведь уже двадцать пять! Как можно быть таким... инфантильным?

Лу Хуэй мысленно тыкал пальцем в воображаемый экран: Смотри, какой маленький!

Он перевернул фото. Оно оказалось довольно новым — даже заламинированным. Судя по виду, сделано лет пять-десять назад, никак не десятилетия. Разве что по краям чуть потрёпано и слегка пожелтело.

На снимке действительно была деревня Цзюаньлоу, а точнее, её вход. Тот самый, что они видели собственными глазами. Даже горы за деревней окутывал густой туман.

Плотность этого тумана почти в точности совпадала с тем, что они наблюдали, поднимаясь в горы.

На фото не было людей, не было никаких особых деталей. Единственное — дата, проставленная прямо на снимке:

[2023.04.27]

Лу Хуэй прищурился:

— Вчера был ровно год.

Он усмехнулся:

— Вот это уже интересно.

Ведь в записной книжке Яо Хаохао тоже значилось, что она прибыла в горы Цзюаньлоу 27 апреля. Если предположить, что они не ночевали у подножия и не задерживались в горах лишний день, то и они попали в деревню именно 27 апреля.

...Что же особенного в этой дате?

— В твоём рюкзаке больше ничего нет? — спросил Лу Хуэй.

Мин Чжаолинь пожал плечами:

— Ничего.

— Точно?

Мин Чжаолинь не понял, зачем тот вообще спрашивает, если не верит:

— Хочешь — обыщи.

— Зачем обыскивать? Если бы захотел спрятать — давно бы спрятал.

Лу Хуэй не двинулся, всё ещё разглядывая фото:

— Обычно, когда приезжаешь куда-то впервые, фотографируешь не только вид на место, но и делаешь общее фото с товарищами. А раз группового фото нет... Значит, либо ты приехал один, либо твой напарник — часть сюжета инстанса.

Мин Чжаолинь ткнул пальцем в себя:

— Ты меня спрашиваешь?

Лу Хуэй: «?»

Он обескураженно посмотрел на него:

— Здесь, кроме тебя, ещё кто-то есть?

Мин Чжаолинь чуть приподнял бровь, и в его голосе прозвучала ленивая неопределённость:

— Кто знает...

Авторское послесловие:

☐ — Цитата из популярной китайской песни ☐☐☐☐☐☐☐☐ («Солнечный и жизнерадостный парень»).

☐ — Фраза из мультсериала ☐☐☐☐☐☐ («Приключения Джеки Чана»), произносимая персонажем Лао Дэ (☐☐) как заклинание для изгнания злых духов.

<http://bllate.org/book/12898/1133634>